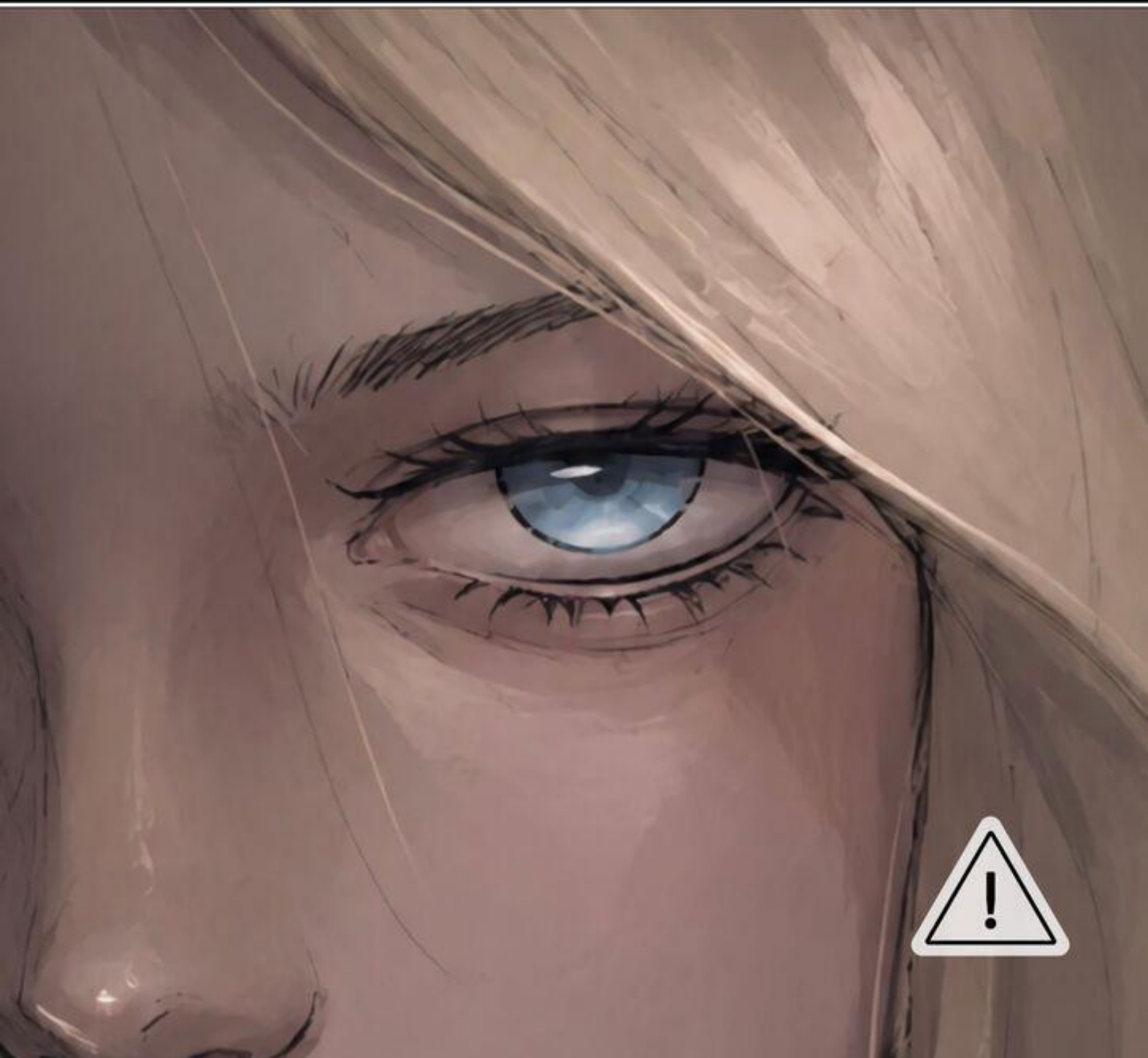

18+

Тесса Джей

Моя Панацея

Тесса Джей

Моя Панацея

«Издательские решения»

Джей Т.

Моя Панацея / Т. Джей — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Её
жизнь разрушена предательством отца и потерей врачебной лицензии. Его —
прикована к инвалидному креслу после операции, отнявшей всё.Но когда
из прошлого всплывает забытый документ с подписью Эйвы на роковой
ампуле яда, им предстоит пройти главный экзамен: сможет ли любовь
выстоять, когда рушится доверие?

© Джей Т.

© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
Глава 1. Гроссмейстер без шахматной доски	7
Глава 2. Минное поле	10
Глава 3. Цена безупречности	13
Глава 4. Ромашки и порох	17
Глава 5. Ошибка	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Моя Панацея

Тесса Джей

© Тесса Джей, 2026

ISBN 978-5-0070-9654-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Медицина никогда не была для меня просто мечтой. Это была моя главная амбиция, если честно — настоящая одержимость. С самого детства, сколько себя помню, я твердила всем, что стану нейрохирургом, как мой отец.

У меня перед глазами до сих пор стоит один день. Мы играли во дворе, и отец, просто мельком взглянув на мою подругу, вдруг нахмурился. По какому-то одному ему понятному жесту или взгляду он сразу понял: у нее опухоль в лобной доле. Любой нормальный ребенок на моем месте испугался бы, но меня пробрало до мурашек. Я ощутила дикий восторг и какое-то странное благоговение перед силой, которой обладал отец. Он мог заглянуть человеку прямо в голову. С того дня и началась моя история — девчонки, которая намертво вбила себе в голову цель стать лучшим нейрохирургом в мире. И, чего бы мне это ни стоило, я шла к этому напролом.

За годы учебы и практики я видела много всего: странного, сложного, порой даже абсурдного. Но один случай я не забуду никогда. Он до сих пор преследует меня в кошмарах, от которых я просыпаюсь посреди ночи, но почему-то приходит и в самые счастливые сны. Это была история, в которой я чуть не потеряла всё: и будущую карьеру, и саму себя, и, если честно, собственную жизнь.

Киллиан Ланце.

Он был из тех людей, от которых веет опасностью за версту, даже когда они просто молча сидят в кресле и смотрят на тебя. В его взгляде проскальзывало что-то дикое и абсолютно неконтролируемое, хотя сам он держался со странной, почти аристократической грацией.

Когда он впервые появился в нашей клинике, я сразу поняла: с ним всё будет непросто. И дело было даже не в его сложнейшем диагнозе, от которого у папиных коллег задержался глаз, а в том, как он на меня посмотрел. Так, будто заранее знал обо мне все секреты, победы и, главное, все мои страхи.

— Вы слишком молоды для такой сложной операции, доктор Маклауд, — произнес он тогда с едва заметной, дразнящей ухмылкой. Его голос звучал хрипловато, но в нем прослеживалась такая уверенность, от которой у меня внутри всё сжалось. — Не бойтесь, что ваши тонкие пальчики дрогнут?

Я тогда лишь сильнее сжала планшет с его снимками и холодным, отрепетированным тоном ответила: — Мои пальчики, мистер Ланце, делают то, что вам и не снилось. И если вы хотите жить, вам придется доверить мне свою голову.

Он ничего не ответил. На секунду в его темных глазах вспыхнул искренний, почти детский азарт. Он будто принял мой вызов.

Но тогда я еще не знала, чем оборачиваются такие игры, когда на кону стоит не просто детское упрямство, а реальная человеческая жизнь. И уж тем более я не могла предугадать, что именно в тот момент, когда скальпель окажется в моих руках, начнется самый страшный кошмар всей моей жизни...

Глава 1. Гроссмейстер без шахматной доски

Мне уже за семьдесят, но я помню всё. Моя память — мой главный прокурор. Стоит закрыть глаза, и я снова возвращаюсь в душный, пропитанный формалином и дешевым табаком Бостон восьмидесятого года. Я помню то дежурство до мелочей: горький вкус кофе из автомата и то, как безумно давили новые туфли.

В те годы мир вокруг кружился в ритме панк-рока и диско, улицы горели неоном, а мы, молодые врачи, искренне верили, что стоим на пороге бессмертия. Нам казалось: еще чуть-чуть — и мы победим рак и разгадаем тайну человеческого мозга. Какими же глупцами мы были. Мы искали душу в извилинах, не понимая, что некоторые люди — это просто бездна, в которую опасно даже заглядывать.

В свои двадцать пять я была не просто амбициозна — я была невыносима. Дочь великого профессора Маклауда, золотая девочка, которая шла по коридорам так, словно весь мир был создан лишь для её триумфа. Я не умела проигрывать и верила, что никто не сломает мою железную волю.

Все началось душным осенним вечером, когда небо над городом окрасилось в грязный багровый цвет, а в приемное отделение поступил очередной пациент...

Запах антисептиков и резкий больничный свет всегда действовали на меня успокаивающе. Пока другие девочки в детстве играли в куклы, я рассматривала тяжелые тома анатомических атласов. Мозг казался мне красивой картой, где каждая извилина — неизведанная дорога.

Но разглядывать картинки в тихом кабинете — это одно, а стоять у операционного стола и трепанировать живого человека — совсем другое. Это я поняла в первые же секунды своего сольного дежурства.

— Пульс падает! Восемьдесят... Семьдесят пять! Давление семьдесят на сорок! Мы теряем его, доктор Маклауд! — закричала медсестра Бренда.

«Идиотка, не ори под ухом, сбиваешь с ритма!» — раздраженно подумала я, даже не повернув головы.

В голове крутилась ритмичная песня Blondie «Heart of Glass». Она лилась из каждого утюга и теперь въелась мне в подкорку. Это был мой способ справляться со стрессом — заглушить реальность поп-музыкой, чтобы руки оставались холодными, как лед.

Для Бренды четырнадцатилетний мальчик на столе уже был трупом.

— Золото мое, — сухо протараторила я, настраивая микроскоп, — я дала клятву его матери, что спасу его. Понадобится — и с того света достану. Прекрати панику.

Я наклонилась ниже. Моей целью была астроцитомы — серая дрянь, которая свила гнездо в его голове. Она прорастала в здоровые ткани, словно корни сорняка, и один неверный шаг мог превратить мальчика в овощ.

В голове эхом отозвался голос отца: *«Хирург не имеет права на страх. Страх — это лишний миллиметр. А лишний миллиметр — это чужая жизнь»*.

— Скальпель, — спокойно произнесла я. Никакой паники.

Следующие два часа пролетели как одна минута. Музыка в голове сменилась звенящей тишиной. Мир сузился до операционного поля. Пальцы делали то, для чего были созданы: ювелирно, с точностью до доли миллиметра вырезали опухоль.

Когда я наложила последний шов, кардиомонитор пищал ровно. Парнишка будет жить. Свою работу я сделала.

О, этот сладкий привкус победы — чистейший наркотик! Выходя из операционной, я ликовала. В тот вечер я окончательно убедилась: люди — это просто сложный набор шестеренок, которые иногда ржавеют. А я — гениальный механик, способный пересобрать эту систему.

Смыв кровь под холодной водой, я прошла по коридору, игнорируя фальшивые поздравления коллег. Я знала цену их улыбкам: они ждали моего провала. Им хотелось увидеть, как дочка профессора Маклауда оступится.

Не дождетесь.

Я заперлась в комнате отдыха, подошла к зеркалу и стала разглядывать свое отражение. Зрачки огромные от адреналина, лицо бледное, а на губах — торжествующая ухмылка. В ту минуту я была уверена, что полностью контролирую свою жизнь. Какая же наивная я была...

На следующий день я шла по коридорам отделения с таким видом, будто лично изобрела бессмертие. Вчерашний мальчик пришел в себя, показатели идеальные. А значит, я — бог медицины, и точка.

Но у вселенной на мой счет были другие планы. И звали их — профессор Ричард Маклауд. Мой обожаемый и абсолютно невыносимый отец.

На утреннем обходе он привычно изображал идеального перфекциониста: осанка прямая, халат накрахмален. Ординаторы при звуке его шагов готовы были провалиться сквозь землю. Я же задрала нос еще выше, ожидая, что сегодня он признает во мне равную.

— Эйва, задержитесь, — ровно произнес он.

Толпа коллег сочувственно испарилась. Я осталась с отцом один на один, сгорая от предвкушения. Ждала хотя бы скупой похвалы, но мои надежды быстро разбились.

Отец не улыбался. Взгляд был тяжелым.

— В мой кабинет, Эйва, — бросил он и развернулся.

Я пошла за ним, чувствуя, как вчерашний восторг сменяется раздражением. Кабинет отца выглядел точно, как его характер: дубовые панели, идеальный порядок и запах дорогого табака. Никаких личных вещей.

Отец встал у стола, медленно снял очки и принялся протирать стекла шелковым платком. Эта его привычка тянуть время всегда доводила меня до бешенства.

— Я посмотрел протокол твоей операции, — тихо произнес он. — Локализация определена верно. Но то, как ты пошла через левую долю...

Он надел очки и тяжело выдохнул: — Скажи мне, Эйва, зачем я лично контролировал каждый твой шаг? Что это за дешевая импровизация? Ты решила поиграть в камикадзе?

Моя невидимая корона с хрустом посыпалась к ногам.

Внутри всё вспыхнуло. Воздуха резко стало мало. Я ведь спасла ребенка! А отец стоял здесь и отчитывал меня как сопливую девчонку!

Я наклонила голову и выдавила из себя наглую улыбку: — По-моему, ты просто завидуешь, пап. Завидуешь тому, что моя тактика спасла жизнь ребенку за два часа, пока твои древние правила чуть не угробили его.

Ординаторы за дверью, кажется, перестали дышать. Никто не смел так разговаривать с профессором Маклаудом.

Взгляд отца стал металлическим: — Завидую? Тебе? Недоучке, которая едва научилась держать зажим? Ты победила один раз, Эйва. Это просто удача. Но медицина — не казино. В следующий раз твоя «тактика камикадзе» оставит на столе труп, а я не собираюсь отмывать твое имя.

Отец резко выдвинул ящик и бросил мне прямо в грудь толстую папку без стандартных наклеек. На ней была лишь надпись от руки. Я едва успела её перехватить.

— Киллиан Ланце. Четвертая палата, — отчеканил он. — Поступил ночью. Диагноз — запущенный абсцесс мозга. При задержании полицией бредил и проявлял агрессию. Томография показала сильный воспалительный процесс в височной области. Отсюда и вспышки ярости.

Я мельком взглянула на обложку.

— Пойдешь туда, — отец посмотрел на меня с холодным вызовом, — и проведешь стандартное обследование по протоколу. Измеришь давление, проверишь рефлексы. Без твоих фокусов, Эйва. Узнаю, что снова играешь в бога — отстраню от операционной на полгода. Будешь ватные шарики катать и утки выносить. Поняла?

— Прекрасно, профессор, — процедила я, развернулась и выскочила из кабинета, с силой хлопнув дверью.

С папкой в руках я шла по коридорам, а уязвленная гордость раздувалась всё сильнее. «Ватные шарики катать? Ну уж нет, папочка. Я сделаю это обследование идеально».

Вспоминая то время из своего семидесятилетнего будущего, мне хочется горько смеяться над тем, какой слепой и самоуверенной я была. Я видела медицину как шахматы — красивую игру, где я гроссмейстер, а пациенты — послушные фигуры.

Нас учат вырезать опухоли и сшивать сосуды, но никто не учит тому, что делать, когда пациент ломает тебя самого. Когда он залезает под кожу и начинает дергать за ниточки твоих страхов.

В тот вечер я шла в четвертую палату не просто к больному. Я шла утереть нос отцу.

Чем ближе я подходила к реанимационному крылу, тем тише становилось вокруг. Шум больницы остался позади. Воздух здесь казался густым, пропитанным запахом лекарств и чужого страха.

Я открыла папку на ходу: *«Киллиан Ланце. 30 лет. Доставлен конвоем. При задержании оказал ожесточенное сопротивление. Галлюцинации, вспышки ярости»*.

А пониже красовалась пометка отца красным маркером: *«Крайне опасен. Посещение строго в присутствии двух санитаров»*.

«Опасен? Мне?» — я усмехнулась. Мужчина с гнойником казался мне просто сломанным механизмом, который нужно починить.

Я повернула за угол и замерла.

У дверей четвертой палаты не было ни одного санитаря. Ни охраны, ни дежурного врача. Длинный коридор был мертвенно пуст, а лампы над головой раздражающе гудели.

Я подошла к деревянной двери с цифрой «4». Из-за нее не доносилось ни звука. Ни криков, ни дыхания, ни шелканья приборов. Только давящая, звенящая тишина.

В груди впервые за день шевельнулось странное, липкое предчувствие.

Я глубоко вздохнула, выпрямила спину, поправила стетоскоп и покрепче прижала папку. Я не умела бояться.

Уверенным движением я нажала на металлическую ручку двери. Раздался тихий щелчок. За этой дверью меня ждал не просто больной. За ней ждал человек, который по винтику разобьет всю мою жизнь.

Дверь медленно поползла внутрь палаты.

Глава 2. Минное поле

Дверь закрылась за моей спиной с глухим стуком, моментально отрезав меня от остального мира. В палате царил тревожный полумрак. Занавески были наполовину задернуты, и сквозь щель на блеклый пол ложились неровные полосы серого осеннего света.

На койке у окна лежал мужчина. На вид ему было около тридцати — самый расцвет сил. Но этот человек казался сломанным. Резкие, словно высеченные из мрамора скулы застыли безжизненной маской. Темные волосы растрепались по подушке. Он лежал с закрытыми глазами, а грудь вздымалась тяжело, со свистящим надрывом. К правой руке тянулись тонкие трубки капельницы.

Вокруг него не было ничего. Ни открыток, ни домашних передач, ни цветов. На тумбочке — только пластиковый стакан, мыло и дешевые средства гигиены для арестантов. Одиночество этого человека ощущалось почти физически, намешанное в воздухе вместе с запахом лекарств.

Я открыла пухлую историю болезни, всученную мне отцом, и быстро пробежала глазами по строчкам:

«Пациент: Киллиан Ланце. Возраст: 30 лет. Группа крови: III (Rh-). Диагноз: абсцесс головного мозга».

Торжествующий марш в моей голове моментально смолк. На смену ему пришла холодная тишина сапера перед разминированием.

Абсцесс — это смертный приговор. Не просто опухоль, которую можно аккуратно вырезать. Это гнойная бомба замедленного действия внутри черепа. Один неверный шаг, одна ошибка в препаратах — и капсула взорвется. Гной хлынет в желудочки мозга, и человека не спасет никто.

Отец устроил мне жестокую проверку. Подкинул случай, требующий ювелирной точности. Минное поле для молодого ординатора. Он хотел, чтобы я споткнулась и прибежала просить о помощи.

— Гнойный очаг в височной доле... — тихо пробормотала я, вглядываясь в снимки. — Случай запущенный.

В этот момент мужчина резко пошевелился. Густые ресницы дрогнули, и он медленно открыл глаза.

Взгляд был мутным от колоссальных доз обезболивающих, но сквозь этот туман отчетливо проступало дикое, первобытное упрямство и хищная гордость. Он не выглядел как жертва. Скорее, как загнанный в угол зверь, готовый перегрызть горло любому.

Киллиан сфокусировал взгляд на моем халате, затем перевел его на мое лицо. Губы тронула слабая, болезненная ухмылка.

— Если пришли жаловаться на мой диагноз, доктор... проваливайте к черту, — хрипло произнес он. Голос звучал низко и жестко. — Вы уже четвертый врач за сутки, который от меня отказывается. Не тратьте мое время.

Я удивленно приподняла бровь. Парень балансировал на грани жизни и смерти, а всё равно находил силы хамить и командовать.

Мой цинизм тут же отозвался азартным щелчком. Внутри проснулся охотник. *Нашла коса на камень, Ланце. Посмотрим, кто сломается первым.*

Сейчас, спустя сорок шесть лет, я вспоминаю его невыносимый характер с горькой улыбкой, а голос Киллиана до сих пор щемит сердце. Но тогда я не видела в нем романтики. Лишь очередного высокомерного хама, неспособного оценить, что лучшая выпускница вообще снизошла до его лечения.

Отец думал, что я испугаюсь и разрыдаюсь. Но когда этот пациент из четвертой палаты начал со мной препираться, я твердо решила: он будет жить. Чего бы мне это ни стоило. Назло отцу.

Я сделала два шага к койке, с громким хлопком захлопнула историю болезни и безмятежно улыбнулась:

— Огорчу вас, Киллиан. Жаловаться я не умею, а вот вытаскивать из чужих голов всякую гадость — мое любимое хобби. Консилиум профессоров уже мысленно заказывает вам цветы на поминки. Но вам повезло: ваш лечащий врач не умеет проигрывать. Так что прекращайте споры и набирайтесь сил. Нас ждет очень веселая ночь.

Киллиан выдохнул — звук больше походил на сдавленный стон, замаскированный под смешок.

— Веселая ночь? Доктор... Эйва, верно? — он прочитал имя на бейдже. — Вы всегда так оптимистично напутствуете смертников? Или это фирменная тактика, чтобы набить цену перед счетом за операцию?

Его слова ударили по гордости, как хлыст. Я прикусила язык, чувствуя, как к щекам приливает кровь.

— Я не проявляю оптимизма, Ланце, а констатирую факты, — в моем голосе прорезался холод. — От вас отказались трое врачей. Капсула может лопнуть в любой момент. Во всей клинике только я взялась за это дело, потому что уверена в своих силах. В отличие от них. И в отличие от вас.

Киллиан тяжело сглотнул. На шее натянулась вена.

— Вы все... ординаторы... — голос на секунду сорвался, но тут же набрал силу, — берегись за меня только ради одного. Чтобы подлизаться к профессору Маклауду. Набиваете руку на тяжелых больных. Но когда доходит до дела, вы со слезами вылетаете отсюда. Потому что вы слабые.

Он замолчал, тяжело дыша. Он ждал, что я вспыхну, закричу и сбегу. Он намеренно провоцировал меня, бив по самому больному — страху оказаться некомпетентной. Хотел остаться один и тихо сдохнуть в этой палате.

Но поддаваться на провокацию я не собиралась. Я — Маклауд. И я вытащу его из этой ямы.

— Оперируйте! — вдруг глухо отрезал он. Лицо исказилось, пальцы с силой впились в простыню. — Мне больно... Слышите?! У меня мало времени! Чего вы ждете, оперируйте меня! Почему меня пичкают бесполезными лекарствами?!

Его издевательский тон сменился яростным, хриплым криком. Голос вибрировал в стенах палаты, заставляя волосы на коже встать дыбом.

Писк кардиоскопа стал оглушительным. Семьдесят. Девяносто. Сто десять.

Я смотрела, как его грудь тяжело вздымается, а лицо ломается от разрывающей голову боли. Симптомы развивались мгновенно. Обезболивающие больше не справлялись. Давление внутри черепа росло.

По протоколу я должна была лететь в коридор и созывать реанимацию. Но я не сдвинулась с места.

Объявить тревогу — значит признать беспомощность перед отцом. Примчатся врачи, вколют ему убийственную в этом состоянии дозу седативных и уволочут в интенсивную терапию, теряя минуты. Из-за давления стандартные транквилизаторы просто остановят его дыхание. И всё. Конец.

Я превратила страх в холодный расчет. Этот парень будет жить.

Я рванулась к тумбочке, случайно смахнув на пол стакан с чаем. Он со звоном разлетелся на осколки, забрызгав подол халата, но мне было плевать.

Сорвав колпачок со шприца с противосудорожным, я намертво перехватила дергающую руку Киллиана. Вены на предплечье перекачивались от критического давления. Его начало бить в припадке.

— Ланце, смотри на меня! — приказала я, наклоняясь так низко, что ощущала жар его кожи. — Слышишь меня?! Смотри на меня! Не смей закрывать глаза!

На бледных губах выступила пена, но в глубине черных зрачков всё еще горело яростное упрямство. Он боролся. И я боролась вместе с ним.

Нарушила ли я протокол? Да, безусловно. Но я верила в свою удачу. Точным движением я вогнала иглу в вену и ввела лекарство, молясь про себя: *«Живи, только не умирай на моих руках...»*

Минуты тянулись как вечность. Сердце стучало в горле.

Но лекарство подействовало. Писк монитора замедлился, судорога неохотно отпустила мышцы. Пальцы разжались.

Я выдохнула, смахнула пот со лба и посмотрела на экран. Пульс восемьдесят пять, давление стабилизировалось. Кризис миновал.

Отец будет в бешенстве, если узнает. Но меня это не волновало. Я не дала ему умереть.

«Нужно срочно оперировать. Счет идет на часы», — подумала я.

Добавив седативного в капельницу, я дождалась, пока его дыхание станет ровным и он погрузится в сон.

И только теперь, когда он лежал неподвижно, у меня появилась возможность разглядеть его.

Внутри зарождалось странное ощущение. Словно я уже где-то видела этого человека. В снах или в ночных тенях, пока возвращалась домой после дежурств.

Внешность Киллиана была гипнотической. Резкий, почти хищный азиатский разрез глаз смешивался с правильными европейскими чертами. В карте он значился как итальянец, но кто-то из предков явно был из Восточной Азии. Редкая, жесткая красота.

Проверяя реакцию зрачков, я наклонилась ближе. И помимо спирта уловила тонкий шлейф его парфюма: дорогой аромат сухой древесины и... ладана. На широкой груди поблескивал массивный золотой крест.

В какой-то сумасшедший миг мне отчаянно захотелось коснуться этого распятия и провести пальцами по его острой ключице.

Эта мысль мгновенно вогнала меня в ступор.

Я резко отступила на шаг. Что за чушь? Я — врач. Он — пациент.

Стараясь больше не смотреть на него, я завершила осмотр, записала данные в карту и покинула четвертую палату.

Дверь захлопнулась. Сердце колотилось, а тело бросило в жар от воспоминания об его аромате. Я не имела права на привязанность. Пациент — это просто набор шестеренок.

Только вот Киллиан Ланце был слишком опасной загадкой, чтобы просто вычеркнуть его из головы. Партия началась, и я сделала первый ход.

Глава 3. Цена безупречности

Когда я вернулась к четвертой палате, двое в серых плащах уже не просто стояли у стены. Они превратились в молчаливые изваяния, встроенные прямо в дверной проем. Лиц толком не разглядеть — лишь тяжелые подбородки да цепкие, лишенные тепла глаза, сканирующие каждое мое движение.

Дверь отворилась беззвучно. Внутри стояла та самая удушающая, давящая тишина, которая бывает лишь в местах, где жизнь и смерть ведут свои невидимые переговоры.

Киллиан всё еще спал. Препарат, введенный мной в обход всех правил, подействовал мягко, сбив пик внутричерепного давления и погрузив его в глубокий, почти анабиотический сон. Монитор мерно вычерчивал зеленую пилу пульса: шестьдесят два удара в минуту. Ровно. Стабильно.

Я тихо подтянула к его койке высокий металлический табурет, села и положила историю болезни на колени.

Только теперь, когда пыль от нашего первично-агрессивного знакомства улеглась, а из кабинета отца я принесла с собой знание о том, *кто* лежит передо мной, меня накрыло окончательно.

Я смотрела на него. На его волевой профиль, на темные тени, залегшие под закрытыми глазами, на сжатые во сне губы. Наследник криминальной империи. Человек, чьи решения двигали миллионы и вершили чьи-то судьбы. И сейчас вся его могущественная, опасная жизнь сжималась до размеров гнилого мешка в височной доле. До тонкой грани между «выживет» и «вскрытие покажет».

«Я спасла тебя полчаса назад, Киллиан, — мысленно обратилась я к нему, не сводя взгляда с бледного лица. — Я рисковала своей дипломной карьерой, своей жизнью и репутацией отца. И если ты решишь умереть на столе... я найду тебя и на том свете».

За окном окончательно стемнело. Осенний дождь забарабанил по стеклу с новой силой, струи воды размывали далекие желтые огни больничного двора. В палате стало холодно.

Я осторожно протянула руку — пальцы мелко дрожали — и поправила сползшее с его плеча одеяло. На мгновение моя ладонь задержалась в сантиметре от его груди. Там, где под плотной больничной сорочкой проступал контур золотого креста. От Киллиана всё еще веяло этим гипнотическим ароматом сухого дерева, ладана и.... чего-то еще, что невозможно было описать медицинскими терминами. Ароматом силы.

Вдруг его пальцы на здоровой руке дернулись. Киллиан не открыл глаз, но тяжело выдохнул, и его брови сдвинулись к переносице, будто даже во сне он продолжал вести с кем-то незримую войну.

— Эйва... — сквозь сон, едва слышным, сдавленным шепотом слетело с его сухих губ.

Я замерла, переставши дышать. Сердце сделало оглушительный кувырок и ухнуло куда-то в желудок. Он звал меня? Или мне просто показалось в этом полумраке?

— Я здесь, Ланце, — едва слышно ответила я, наклонившись к нему. — Я здесь. Спи.

Его дыхание постепенно выравнивалось.

Я откинулась на спинку табурета и закрыла глаза, почувствовав, как волна дикой усталости накрывает меня с головой. Адреналин, державший меня последние три часа, начал улетучиваться, оставляя взамен лишь гулкую пустоту и свинцовую тяжесть в мышцах.

Операция была назначена на шесть утра. У нас оставалось всего четыре часа. Четыре часа относительного покоя перед тем, как я возьму в руки трепан и скальпель, чтобы войти в его мозг.

Тогда, сидя в той темной палате под монотонный писк кардиомонитора и стук капель, я еще не знала, что эта ночь станет лишь завязкой. Что дальше нас ждут годы катастроф, пре-

дательств, побегов и любви, выжженной на руинах наших прошлых жизней. Нам оставались считанные часы до момента, когда хирургический софит вспыхнет над его обнаженной черепной коробкой, а мой отец встанет напротив меня с противоположной стороны операционного стола.

Но в тот момент существовали только двое: наследник мафиозного клана, засыпающий на грани бездны, и молодая женщина-врач, которая впервые в жизни поняла, что готова сжечь весь мир дотла, лишь бы спасти его.

Я положила подбородок на скрещенные на постели руки, не спуская глаз с его лица, и приготовилась встречать самый главный рассвет в своей жизни. Время в четвертой палате текло по своим, особым законам. Оно то растягивалось в бесконечную, вязкую тишину, где слышался только шелест дождя за окном да тяжелое дыхание Киллиана, то стремительно пролетало, отмеряя короткие вспышки кардиограммы.

Я смотрела на него в упор, разглядывая каждую мелочь, которую пропустила во время первой, панической встречи.

У него были удивительно длинные, темные ресницы, отбрасывавшие глубокие тени на бледные, бескровные щеки. На левой бровью белел тонкий, едва заметный шрам — сувенир из той жизни, о которой я раньше читала только в детективных романах или слышала из шепотков в подворотнях. Теперь эта жизнь дышала мне прямо в лицо.

В моей голове путались два совершенно разных человека. Первый — тот, кем я его себе представляла: дерзкий, высокомерный сын криминального авторитета, привыкший к подчинению и страху в чужих глазах. Второй — беспомощный мужчина перед моим взором, чей организм сейчас изо всех сил цеплялся за бытие, борясь с опаснейшей инфекцией.

«Кто же ты на самом деле, Киллиан Ланце? — задавала я себе вопрос, рассеянно крутя на пальце недорогое серебряное кольцо. — Опасный хищник или просто заложник собственной фамилии, унаследовавший вместе с миллионами грязную войну и пулю в висок?»

Ответа не было. Был только неровный свет уличного фонаря, пробивавшийся сквозь мокрое стекло и вырисовывавший на противоположной стене палаты причудливые, движущиеся тени.

Где-то около четырех часов утра за дверью послышался глухой, сдержанный шум. Тяжелые шаги, не принадлежавшие больничному персоналу, затем тихий, но повелительный шёпотом обмен фразами. Амбалы в серых плащах с кем-то разговаривали.

Я мгновенно подобралась, как натянутая струна, чувствуя, как внутри снова закипает прежняя настороженность. Рука сама собой легла на пухлую папку с историей болезни, точно на щит.

Ручка двери с тихим щелчком опустилась. В образовавшийся проем сначала заглянул один из охранников, быстро оценил обстановку, проверил взглядом меня, сидящую у постели, и лишь затем отступил в сторону, освобождая дорогу.

В палату беззвучно вошел мужчина. На вид ему было лет сорок пять. Высокий, подтянутый, в идеально скроенном пальто из дорогой темной шерсти, несмотря на ранний час и проливной дождь. На его лице застыло выражение глубокой, въевшейся усталости, но в каждом движении, в том, как он держал осанку и молча снимал смуглые кожаные перчатки, чувствовалась та же самая властная «порода», что и у Киллиана.

Он даже не взглянул на меня сразу. Его тяжелый, пронизательный взгляд мгновенно приковался к спящему на койке Ланце, затем переместился на мониторы, считывая показатели с ловкостью человека, которому далеко не в первый раз приходится стоять у палаты интенсивной терапии.

Только убедившись, что Киллиан дышит ровно, он медленно повернул голову в мою сторону.

— Вы его лечащий врач? — голос прозвучал тихо, но удивительно объёмно, заполняя собой всё пространство палаты. Разрез глаз у него был точно такой же, как у Киллиана — слегка раскосый, придающий лицу хищное выражение.

— Временный лечащий врач и ассистирующий хирург, — отчеканила я, поднимаясь с табурета и выпрямляя спину. Моя ординаторская гордость снова вздернула подбородок. — Доктор Эйва Маклауд. А вы...

— Марко, — коротко представился он, не назвав фамилии. — Старый друг семьи.

Он сделал пару шагов ближе к койке, остановившись буквально в полуметре от меня. От него веяло дорогим табаком, холодным дождем и металлом.

— Как он? — спросил Марко, глядя на бледное лицо Киллиана.

— Нам удалось сбить критический пик внутричерепного давления, — ответила я профессиональным, ровным тоном, заставляя себя забыть о том, что этот человек наверняка носит под пальто огнестрельное оружие. — Но это лишь временная отсрочка. Абсцесс прогрессирует. Через два часа мы забираем его в операционную. Профессор Маклауд будет проводить трепанацию и дренирование очага.

Мужчина на мгновение зажмурился, сжав пальцы в кулак так, что кожа на костяшках побелела. На его скулах заиграли желваки.

— Он должен выжить, доктор, — тихо, но с леденящей душу угрозой произнес Марко, снова открывая глаза. В них не было мольбы. В них было простое предупреждение. — Если Киллиан не проснется после вашей операции... эта клиника перестанет существовать. А вместе с ней — и все, кто в ней работает. Вы понимаете меня, девочка?

Я почувствовала, как по коже пробежала волна мурашек. Это не были пустые слова или больничный шантаж убитого горем родственника. Отец не соврал. На кону действительно стояли наши жизни, заложенные в карточную игру высшего руководства синдиката.

Но вместо того, чтобы испугаться и сжаться, мой характер выдал привычную реакцию. Я шагнула навстречу этому человеку, посмотрев ему прямо в глаза с ледяным презрением.

— Не смейте мне угрожать в моей же палате, — процедила я сквозь зубы. — Вы пришли сюда смотреть, как умирает ваш босс, или давать мне указания? Если бы не я, он бы скончался ещё три часа назад от отека мозга, пока ваши «серые плащи» протирали штаны в коридоре. Так что убавьте тон, Марко. Мы сделаем свою работу. А вы сделайте свою — не мешайте нам спасти ему жизнь.

Мужчина замер. На секунду в его глазах проскочило искреннее изумление. Очевидно, с ним давно никто не разговаривал в подобном тоне, тем более двадцатичетырехлетняя девчонка в запятнанном чаем медицинском халате.

Затем его губы исказились в сухой, едва заметной ухмылке.

— Упрямая, — тихо резюмировал он. — Совсем как твой отец в молодости. Альберт не ошибался в профессоре Маклауде. Надеюсь, ты унаследовала от него не только гордыню, но и руки.

Он еще раз взглянул на Киллиана, наклонился и сдержанным, почти отцовским жестом легко коснулся его плеча.

— Мы будем ждать снаружи, — добавил Марко, поворачиваясь к выходу. — Если что-то пойдет не так — дай знать сразу.

Он вышел так же бесшумно, как и появился, оставив после себя лишь стойкий запах дорогого табака и висящее в воздухе смертельное обещание.

Я тяжело опустилась обратно на табурет, чувствуя, как ноги окончательно перестают служить. Руки мелко дрожали.

Пять часов утра. До операции оставался ровно один час.

За окном начал медленно разгораться рассвет — грязный, серо-голубой, расплывающийся в затаянном тумане. В коридоре зашевелилась больничная жизнь: послышался скрип

тележек с медикаментами, шаги дежурных медсестер, далекий шум включающихся стерилизаторов.

Я повернулась к Киллиану. В свете наступающего утра его лицо казалось еще более бледным, почти восковым.

— Ты слышал его, Ланце? — тихо прошептала я, бережно касаясь его холодных, сухих пальцев. — Они уже строят планы на случай твоей смерти. Так что у тебя просто нет права подвести меня. Ты обязан проснуться. Хотя бы для того, чтобы снова сказать мне какую-нибудь гадость.

Его рука оставалась неподвижной, но мне показалось, будто пальцы едва ощутимо ответно сжались вокруг моих. Или это была лишь игра моего уставшего, воспаленного воображения?

Спустя тридцать минут дверь палаты снова распахивается. На пороге стояли санитары с операционной каталкой и старшая медсестра.

— Доктор Маклауд, пора, — строго сказала она. — Профессор уже в предоперационной. Просил передать, чтобы вы не задерживались.

Шоу начиналось. Партия выходила на финишную прямую. Я поднялась, сделала глубокий вдох, выпрямила плечи и кивнула санитарам:

— Перекладывайте. И подключайте портативный монитор. Мы идём в операционную.

Глава 4. Ромашки и порох

Каждая мышечная судорога, каждый шаг по залитому рассеянным светом коридору клиники отдавали в теле тупой, нарастающей болью. Вчерашняя многочасовая экстренная смена буквально высосала из меня все соки. Когда отец после тяжелейших консультаций и утренних распоряжений сухо бросил мне: *«Иди домой, Эйва, отдохни четыре часа перед операцией, ты валишься с ног»*, я даже не стала спорить. Настаивать на своем в таком состоянии было бессмысленно. Дрожащие от усталости пальцы плохо подходят для микрохирургии.

Выйдя из стеклянных дверей больничного комплекса, я на ходу запахнула пальто, спасаясь от пронизывающего ветра. В голове стоял сплошной гул. Поймать такси у ворот клиники удалось быстро: желтая машина вынырнула из предрассветного тумана, взвизгнув мокрыми шинами по асфальту.

Всю дорогу до дома я просидела на заднем сиденье, уткнувшись лбом в холодное боковое стекло. За окном мелькали одинаковые серые фасады Манхэттена, залитые редким светом фонарей, но я почти не регистрировала их. Мысли возвращались к тяжелому разговору с отцом, его откровениям о семье Ланце и тому темному омуту, в который нас затягивало все глубже.

Такси затормозило у моего дома — старого пятиэтажного здания с массивным кирпичным фасадом и коваными балконами. Я на автомате расплатилась с водителем, вылилась из теплого салона на улицу и, преодолевая свинцовую тяжесть в ногах, направилась к подъезду.

Тяжелая дубовая дверь парадного поддалась с привычным скрипом. Внутри пахло старым камнем, сухими духами дежурной консьержки и прохладой. Не дожидаясь медлительного, шумно сопевшего лифта, я медленно поднялась по широкой мраморной лестнице на третий этаж.

Ключ в замке моей квартиры повернулся дважды с сухим, металлическим щелчком. Я переступила порог своего убежища, нащупала на стене выключатель и на секунду зажмурилась от резкого желтого света. Сбросив туфли прямо у двери и едва найдя в себе силы запереть замки обратно, я на автопилоте прошла в единственную жилую комнату. Прохлада и темнота квартиры встретили меня молчанием. Лишь где-то на кухне остывал не выпитый с утра кофе, наполняя воздух едва уловимым горьковатым ароматом.

— Отец, ты просто невыносим! — вслух выдохнула я и с размаху плюхнулась на старенький, продавленный диван.

Этот диван был, пожалуй, единственным местом во всем огромном, шумящем городе, где я позволяла себе сбросить броню и быть слабою. Ноги гудели так сильно, словно по венам вместо крови пустили жидкий свинец, и буквально горели огнем от двенадцати часов, проведенных на жестком больничном линолеуме. В висках нарастала тупая, ритмичная пульсация, готовая вот-вот перерасти в полноценную, раскалывающую череп мигрень. Дневные смены в клинике всегда изнуляли меня до крайнего физического и эмоционального предела, что было довольно редким и почти постыдным, как считалось в нашей строгой врачебной среде, признанием.

Среди ординаторов нашей больницы было принято упорно, до хрипоты в голосе делать вид, будто стоять по половине суток у операционного стола, намертво приклеенными к кафельному полу — для них сущий, копеечный пустяк. Все строили из себя железных, непрошибаемых титанов без нервов, боли и усталости. Но здесь, за запертой на два надежных замка дверью своего личного убежища, я наконец могла сорвать эту чертову маску идеального доктора.

Закинув руки за голову и невидящим, тяжелым взглядом уставившись в потрескавшийся от старости белый потолок, я по привычке попыталась заняться привычным планированием: проанализировать рабочие задачи на завтра, составить четкую сетку утренних обходов, пере-

проверить дозировки антибиотиков для тяжелых больных в палате интенсивной терапии... Но все эти сухие, правильные мысли упрямо, с какой-то извращенной, болезненной настойчивостью возвращались к одному-единственному человеку. К Киллиану Ланце.

После сегодняшнего оглушительного, грязного откровения отца образ этого мужчины в моих глазах изменился бесповоротно. Тот мускулистый, дерзкий парень, которого я еще днем готова была прямо в лицо назвать заносчивым, невоспитанным хамом, теперь казался мне олицетворением чего-то смертельно опасного, темного и... безумно манящего. Именно этот дикий, запретный азарт вызывал сейчас странное, непривычное и пугающее тепло глубоко в моей груди.

Ни один мужчина на свете за все те двадцать пять лет, что я топтала эту планету, не заставлял меня испытывать подобную бурю противоречивых, взрывоопасных эмоций. Нет, я бы ни за что на свете не назвала это глупой, сентиментальной «любовью с первого взгляда» или другой банальной чушью из дешевых любовных романов, которые почитывали медсестры на постах в ночные дежурства, утирая слезы. Я была выше этого. Это был интерес. Чистый, дикий, стерильный хирургический интерес исследователя, столкнувшегося с уникальной, опасной для жизни аномалией.

И всё же... почему, черт возьми, его силуэт казался мне таким знакомым? Навязчивая, липкая мысль намертво въелась в подкорку, мешая сделать нормальный, спокойный вдох. Этот разрез глаз, этот наглый изгиб губ — я ведь точно видела их раньше. Не в палате под тусклым светом ламп, а где-то в другой, прошлой жизни.

От подступающей безысходности и невозможности расслабиться я рывком поднялась с дивана. Преодолевая свинцовую слабость в коленях, я подошла к высокому дубовому книжному стеллажу, стоявшему в углу комнаты, достала со средней полки тяжелый, покрытый тонким слоем пыли бархатный фотоальбом бордового цвета и, вернувшись на диван, принялась лихорадочно перелистывать плотные картонные страницы моего детства. Я втайне, почти стыдясь самой себя и своего внезапного помешательства, надеялась найти там хотя бы какую-то зацепку. Хоть намек на то, где наши пути со страшной семьей Ланце могли пересечься.

Листая снимок за снимком, глядя на выцветшие глянцевые карточки, я неожиданно поймала себя на том, что медленно, безвозвратно проваливаюсь в мутные, ускользающие воспоминания о маме. Время безжалостно. Я уже очень плохо, с трудом помнила точные черты её лица, а её голос в моей голове с годами стал тихим и глухим. Её не стало слишком рано, когда мне едва исполнилось восемь лет, и отец тогда просто запер эту тему на замок, выбросив большинство её вещей, словно пытаясь стереть саму память о боли.

Но в моем сознании навсегда отпечатался один теплый, насквозь залитый золотым солнцем летний день. Мы сидели вместе на нашей крошечной кухоньке прежней квартиры и беззаботно, звонко болтали обо всем на свете за чашечками чересчур сладкого черного чая. На заднем плане шумело старенькое радио, передавая какую-то неизвестную, тягучую джазовую композицию, где саксофон буквально плакал от тоски. За раскрытым настежь окном заливались безумные летние птицы, а легкий сквозняк шевелил кружевные занавески, принося в комнату запах нагретого асфальта и цветущих лип. Мама была тогда в своем самом любимом, нарядном летнем платье, усыпанном яркими, крупными узорами из ромашек и подсолнухов. Её русые, мягкие волосы красивыми волнами падали на худые плечи, подсвеченные солнцем.

Я ведь безумно, просто поразительно похожа на неё внешне. Если бы не этот тяжелый, колючий и упрямый характер отца, который я унаследовала в полной, абсолютной мере, любой случайный прохожий на улице без малейшего труда узнал бы во мне её точную копию. Та же россыпь мелких веснушек на переносице, которые всегда забавно темнели под первыми лучами весеннего солнца, те же бледно-голубые, прозрачные, словно родниковая вода, глаза, пухлые губы и слегка грустный, задумчивый взгляд, устремленный куда-то внутрь себя.

— Эйва, лучик мой, — мама тогда ласково, немного устало улыбнулась мне. Она протянула свою тонкую, пахнущую домашним теплом и лимонным пирогом ладонь и нежно коснулась моей щеки, бережно заправляя непослушную, выбившуюся прядку волос мне за ухо. — Ты же знаешь, как сильно я тебя люблю?

— Конечно, мамочка! И я тебя очень, очень сильно люблю! — звонко, по-детски восторженно ответила маленькая я, преданно заглядывая в её добрые глаза и крепко сжимая в кулачке пластмассовую куклу. — Ты самая лучшая мама на всем белом свете!

С внезапно пробежавшей ноткой глубокой, необъяснимой грусти в глазах мама медленно перевела взгляд на окно, туда, где за кирпичными домами угадывался силуэт огромного, бурлящего и опасного города. Её пальцы на моей щеке едва заметно дрогнули.

— Просто помни, Эйва: люди бывают очень, очень сложными. И иногда те, кто кажутся окружающим самыми жестокими и опасными, сильнее всего на свете нуждаются в помощи. Никогда не суди человека только по его оболочке или по тому, что о нем говорят другие. Смотри глубже. В самую суть.

Тогда я, конечно же, ничего не поняла из её странных, туманных слов. Что могла знать восьмилетняя глупая девочка о сложности человеческих душ? Я просто крепко, изо всех сил обняла её за шею, уткнувшись носом в пахнущую ромашками ткань платья, и пообещала, что всегда-всегда буду самой хорошей, послушной и правильной.

Я резко, с силой потрясла головой, прогоняя эти удушающие, пахнущие прошлым воспоминания, и с трудом вернулась в сухую, прохладную реальность своей нынешней квартиры. В комнате за это время уже окончательно потемнело, тени от уличных фонарей легли на обои длинными уродливыми пальцами, а джаз из маминых воспоминаний сменился далеким, привычным воем сирен где-то на Бродвее. Я сглотнула подступивший к горлу комок и перевернула еще одну плотную, пожелтевшую от времени страницу старого альбома.

И вдруг... замерла. Сердце в груди заколотилось так бешено, что стало больно дышать.

Это было старое, слегка размытое черно-белое фото с какого-то официального благотворительного банкета, устроенного в честь очередной медицинской награды моего отца. На переднем плане, сияя безупречной белозубой улыбкой, стоял папа в дорогом, идеально скроенном смокинге, держа в руках хрустальный бокал с шампанским. Но мое внимание привлекло не его триумфальное лицо. Мой взгляд намертво приковало к заднему плану, туда, где в полутени возле тяжелых бархатных портьер, в стороне от веселящейся толпы, стоял высокий, хмурый мужчина в безупречном черном пиджаке. У него был резкий, хищный и абсолютно узнаваемый азиатский разрез глаз. Старший Ланце. Глава мафиозного клана, который фактически купил моему отцу его великое имя.

А прямо рядом с ним, крепко держась за его крупную ладонь, стоял угрюмый, худой мальчишка лет десяти. Маленький, затравленный волчонок. Он точно так же, как сегодняшний взрослый Киллиан в четвертой палате, упрямо, яростно сводил брови к переносице, сжимал кулаки и смотрел на всех присутствующих в зале шикарного отеля с какой-то врожденной, леденящей кровь ненавистью. На его шее, прямо поверх воротника белой рубашки, уже тогда висел тот самый массивный золотой крест.

Меня аж в жар бросило, а вдоль позвоночника прошел настоящий, мощный разряд статического электричества. Так вот почему его силуэт так глубоко сидел в моей подкорке! Вот почему меня так сильно потрянуло при первой же встрече в приемном покое! Мы ведь пересекались с ним в далеком, стертом из памяти детстве, пока наши отцы крутили свои грязные, подпольные дела, подписывали контракты кровью и строили свои империи на чужих костях и долгах. Мы дышали одним воздухом еще тогда, до того, как мир разделил нас на белые халаты и дорогие черные костюмы с запахом пороха.

Я с громким, резким хлопком захлопнула тяжелый бархатный альбом, подняв в воздух маленькое облачко мелкой пыли, которая закружилась в луче уличного света. Спать перехоте-

лось окончательно и бесповоротно. Весь сон как рукой сняло, уступив место бешеному, звенящему току крови в жилах.

Жизнь этого опасного, сложного парня из моего собственного прошлого сейчас буквально, физически находилась в моих руках, на кончиках моих хирургических пальцев. И я была просто обязана вытащить его на предстоящей операции. Чего бы мне это ни стоило. Даже если ради этого мне придется переписать все медицинские законы этого города или пойти наперекор воле собственного отца. Игра стала слишком личной.

Глава 5. Ошибка

Подготовка Киллиана Ланце к сложнейшей операции на открытом мозге шла полным ходом, подчиняясь строгому, автоматическому ритму пред клинического протокола. К моему глубочайшему облегчению, больше никаких безобразных скандалов или яростных вспышек мой странный пациент не устраивал. Его крупное, сильное тело накачали настолько мощными дозами противоотечных, седативных и стероидных препаратов, что у него физически просто не оставалось сил как-либо препираться или язвить в мою сторону.

Профессор Маклауд так и не узнал о моей недавней ночной «самостоятельности», когда состояние Ланце резко ухудшилось до критических отметок, и я вогнала ему иглу в вену в обход реанимационной бригады. Карты были подчищены, показатели выровнены, и отец пребывал в полной уверенности, что кризис миновал сам собой. Возможно, это действительно было к лучшему: лишние крики и разборки перед операцией такого уровня точно не пошли бы на пользу моим и без того натянутым нервам.

— Добрый день, Ланце, — я мягко переступила порог четвертой палаты с легкой, тщательно отрепетированной улыбкой на губах и привычным движением открыла планшет, приступая к очередному плановому осмотру перед транспортировкой.

За те несколько долгих, напряженных дней, что я неотлучно присматривала за этим загадочным амбалом, мы неожиданно для меня самой довольно-таки близко сошлись. По крайней мере, насколько это вообще было возможно для высокомерного ординатора и криминального авторитета. Из обрывочных разговоров, заполнявших звенящую тишину палаты между инъекциями, наружу выползали поразительные факты. Оказывается, этот парень в свое время с отличием окончил легендарный Итонский колледж.

Представьте себе этот дикий, сюрреалистичный контраст: молодой парень с горячей сицилийской кровью по линии отца и экзотическим, хищным разрезом глаз матери-беженки из Вьетнама, которая когда-то чудом спаслась от ужасов войны, носил строгий черный фрак, прилежно учил классическую латынь и играл в крикет на безупречных зеленых лужайках с будущими лордами и министрами Великобритании. Его покойный отец, Альберт Ланце, отдал миллионы кровавых, грязных мафиозных долларов только ради одного — чтобы из туманной Англии парень вернулся в Штаты с безупречным королевским выговором, манерами истинного джентльмена и холодным взглядом, которые теперь едва ли скрывали его истинный, звенящий оскал.

— Добрый, доктор Эйва, — лицо Киллиана сегодня было непривычно поникшим, бледная кожа казалась почти прозрачной, а широкая грудь тяжело, прерывисто вздымалась, наглядно показывая, как сильно его сильный организм измотала эта скрытая, пожирающая мозг болезнь. Он попытался слабо улыбнуться одними уголками губ. — Что нового на этот раз? Какие последние новости в нашей великой Америке?

Словосочетание «великая Америка» он произнес со своей фирменной, невероятной издевкой, слегка растягивая гласные. Этот человек, выросший в строгих британских традициях, явно органически не переносил пафос и величие Соединенных Штатов, хотя сам вынужден был жить здесь и крутить шестеренки своего теневого бизнеса.

Я взяла со стула свежую утреннюю газету, которую буквально пять минут назад передала мне дежурная медсестра на посту, и негромко зачитала первый попавшийся заголовок с титульного листа, чтобы хоть как-то отвлечь его от тяжелых мыслей:

— Вашингтон: накануне проснулся вулкан Сент-Хеленс. Огромный столб пепла закрыл солнце, превратив день в ночь, а взрывная волна за секунды уничтожила гектары вековых лесов и унесла десятки человеческих жизней...

Прочитав эту сухую, страшную строчку о внезапной гибели ни в чем не повинных людей, я осеклась. Голос застрял в груди. Моё хорошее, приподнятое настроение мигом пропало, уступив место тяжелой темноте, а в горле встал плотный, болезненный ком. Пусть я и считала себя абсолютно хладнокровным, циничным человеком, избравшим самую суровую медицинскую профессию, мне всегда, сколько я себя помнила, было до безумия, до физической боли жаль простых, невинных людей, погибающих так внезапно и незаслуженно. Я быстро, вороватым движением смахнула подступившую к ресницам слезу и поспешно отложила проклятую газету в сторону, на тумбочку.

— Извините меня за этот глупый непрофессионализм. Мне правда... мне очень жаль погибших там людей.

Киллиан с искренним, неподдельным изумлением посмотрел на меня из-под своих густых ресниц. Он явно никак не ожидал, что такая сдержанная, колючая и вечно обороняющаяся девушка, как я, может так искренне растрогаться из-за обычных строчек в прессе.

— Все люди имеют полное право на эмоции, Эйва, — его тон неожиданно стал ровным, глубоким, а в черных, обычно бездонных глазах промелькнуло теплое, искреннее сочувствие. — Никогда не вините себя в непрофессионализме просто из-за того, что в вас всё еще осталась хотя бы капля живого, человеческого.

В этот самый момент тяжелая дверь палаты с негромким стуком приоткрылась, и в комнату зашел крепкий санитар в стерильной форме, объявив, что первая операционная уже полностью готова, продезинфицирована и ожидает пациента Ланце. Время вышло.

— Ну что же, Киллиан... сегодня мы наконец-то избавимся от этой вашей проклятой болячки, — с ободряющей, поддерживающей улыбкой произнесла я, пытаюсь вернуть себе маску уверенного доктора, и принялась умелыми движениями готовить его к транспортировке, проверяя фиксацию катетеров.

— Жаль, я ожидал отдохнуть на этой больничной койке подольше под вашим присмотром, — негромко, хрипло рассмеялся он.

Его смех был потрясающим — бархатным, глубоким, идущим откуда-то из самой груди. От этого звука по моему телу разлилось странное, совершенно непривычное чувство — словно тебя аккуратно, с заботой укутали в тяжелый, теплый и уютный шерстяной шарф посреди морозной, ветреной зимы.

— Ну, видно, не судьба мне расслабляться, — добавил Киллиан, внимательно, не отрывая взгляды, наблюдая за каждым движением моих рук. — Готовьте меня к бою, красавица.

Красавица?..

Моё сердце на какое-то мгновение просто остановилось, пропустив сильный такт, а затем забилось с удвоенной силой где-то в районе ключиц. Да, конечно, мужчины множество раз в моей жизни называли меня красавицей, обольстительной девушкой и прочей смазливой, дежурной чушью на студенческих вечеринках. Но обычно за всеми этими фальшивыми комплиментами стояло лишь одно — примитивное желание поразвлечься, поиграть и воспользоваться мной на одну ночь. А тут... в его хриплом голосе не было ни единого, даже самого слабого намека на похоть или пошлый подтекст. В самой глубине его темных, азиатских глаз виднелась какая-то странная, детская, открытая и абсолютно искренняя радость от того, что он видит меня рядом.

Этот простой, небрежный комплимент заставил меня покраснеть так сильно, что я физически, кожей почувствовала, как запылали мои щеки и уши. Чтобы хоть как-то скрыть это внезапное, позорное смущение, я судорожно уткнулась носом в его медицинскую карту, делая вид, будто сотый раз перепроверяю какие-то сверхважные лабораторные показатели перед началом анестезии.

Я молча помогла санитару выкатить тяжелую кровать и довести каталку по длинным коридорам до массивных двойных дверей операционного блока. Перед тем как герметичные

створки с тихим шипением захлопнулись, отрезая пациента от внешнего мира, Киллиан успел ободряюще, коротко подмигнуть мне, словно это не ему сейчас предстоит лечь под нож, а мне самой.

Оставшись на пару минут одна в пустом коридоре, я прислонилась спиной к прохладной кафельной стене и сделала несколько глубоких, судорожных вдохов, отчаянно пытаюсь унять бешеный стук сердца. Предательская краска на щеках постепенно остывала, уступая место привычной, холодной профессиональной собранности. Нужно было взять себя в руки. Это была моя вторая в жизни серьезная сольная операция в качестве ординатора. Отец, конечно, будет стоять прямо напротив меня в роли первого ассистента, контролируя каждый миллиметр моих действий, но главный инструмент — скальпель — сегодня будет зажат именно в моих пальцах. И учитывая, кто именно перед нами лежит на столе, и какие долги связывают наши семьи, права на малейшую дрожь или ошибку у меня просто не существовало. Я развернулась и решительным, твердым шагом направилась к умывальникам, смывать лишние эмоции, страхи и готовиться к главному бою.

Операционная встретила меня привычной, стерильной прохладой кондиционеров и слепящим, хирургическим светом огромных бестеневых ламп. Киллиан уже был глубоко под общим наркозом, его крупное тело казалось расслабленным, голова была намертво зафиксирована в специальном металлическом зажиме, а операционное поле в районе левого виска тщательно выбрито и обработано темно-коричневым антисептиком.

Отец стоял напротив меня, полностью экипированный, его взгляд над марлевой маской был ледяным, пронизывающим и за пределами требовательным. Я сделала финальный глубокий вдох, полностью унимая остаточную дрожь в пальцах, взяла протянутый медсестрой скальпель и сделала первый аккуратный, точный надрез кожи в теменной области, ровно над местом локализации абсцесса. Потекла первая кровь, которую ассистент тут же убирал электроотсосом. Затем последовала трепанация — ювелирное, аккуратное вскрытие костного лоскута с помощью фрезы. Стружка летела в стороны, обнажая нужные слои.

Когда перед нами наконец натянулась белесая, пульсирующая твердая мозговая оболочка, под ней отчетливо, пугающе угадывался синеватый контур гнойного очага. Мы подошли к самому главному, критическому этапу. Абсцесс сидел глубоко в тканях, в опасной, микроскопической близости от моторной коры — важнейшей зоны головного мозга, отвечающей за произвольные движения ног и всей нижней половины тела. Одно неверное движение, и проводящие пути будут перерезаны навсегда.

Я аккуратно отложила скальпель, взяла длинную, тонкую пункционную иглу, предназначенную для аспирации гноя, и медленно, миллиметр за миллиметром, затаив дыхание, начала погружать её в податливую ткань мозга. Моя рука была напряжена до предела, каждый мускул контролировал глубину. Всё шло просто идеально, по учебнику. Я отчетливо почувствовала кончиком иглы легкое сопротивление — плотную капсулу абсцесса — и приготовилась проколоть её, чтобы начать откачивать токсичную жидкость.

— Выше бери, Эйва! Ты уходишь влево, черт тебя дери! — резко, неестественно громко прямо мне под руку скомандовал отец.

Ему, видите ли, показалось со своего угла обзора, под каким неправильным наклоном я держу инструмент. Его вечный, удушающий перфекционизм и страх облажаться перед семьей Ланце сыграли с ним злую шутку. Вместо того чтобы просто спокойно подсказать или скорректировать меня словесно, он на безумных эмоциях дернулся всем телом вперед и бесцеремонно, грубо толкнул мою руку в районе локтя, пытаясь самостоятельно перехватить контроль над иглой.

Это была секундная, глупая и роковая ошибка. От его резкого, неожиданного толчка моя правая рука с зажатой острой иглой судорожно дернулась вглубь раны и резко ушла вбок.

Инструмент с силой, вслепую пропорол нежнейшие, тончайшие проводящие пути моторной коры мозга Киллиана.

В ту же секунду один из мониторов слежения бешено, надрывно запищал на всю операционную, фиксируя резкий скачок артериального давления и мгновенный сбой в нервной проводимости пациента. Время остановилось.

— Назад! Пошла вон от стола! — яростно рявкнул отец, мгновенно бледнея под маской и буквально отпихивая меня плечом от операционного поля, сам лихорадочно хватаясь за зажимы и инструменты. — Давление стремительно падает! Физраствор, быстро! Анестезиолог, что с показателями?!

Я послушно отступила на шаг назад, тяжело, со свистом дыша и в полном ступоре глядя на свои ладони в окровавленных латексных перчатках. Меня начало мелко, неудержимо трясти. Я знала анатомию центральной нервной системы слишком хорошо, чтобы не осознать весь ужас произошедшего в эту секунду: моя игла только что вдребезги, в кашу разнесла те самые кортикоспинальные волокна, которые посылают двигательные импульсы от коры мозга к нижней половине человеческого тела.

Мониторы продолжали надрывно, панически пищать, но для меня все звуки вокруг словно утонули в густом, вязком тумане. В операционной развернулся настоящий, филигранно отрепетированный ад: медсестры судорожно меняли капельницы, отец что-то хрипло кричал, брызжа слюной, пытаясь остановить внутреннее кровотечение и исправить то, что исправить в этой жизни было уже абсолютно невозможно. А я просто стояла посреди этого кафельного, стерильного холода, опустив руки, не в силах сделать больше ни единого движения.

Внутри меня в этот миг будто взорвалась бесшумная вакуумная бомба, начисто выжегшая весь кислород в легких. Сердце колотилось где-то в самом горле, дыхание стало частым, поверхностным и прерывистым, а к подбородку подступила тяжелая, кислая тошнота. Мои руки в пропитанных чужой кровью перчатках мелко, неудержимо дрожали, и я никак не могла это остановить. Весь мой заносчивый, выпестованный годами цинизм, вся спесь гениального ординатора, считавшего себя непогрешимым преемником великой фамилии, в одну секунду превратились в серый, бесполезный прах.

Я смотрела на неподвижное, скрытое зелеными стерильными простынями тело Киллиана Ланце. Парня, который еще какие-то полчаса назад своим неподражаемым бархатным голосом называл меня красавицей и заставлял меня глупо краснеть. Того самого маленького, угрюмого мальчишки с пожелтевшей папиной фотографии, которого я когда-то видела на банкете.

Голова раскалывалась от осознания масштаба произошедшей катастрофы. Это была моя операция. Мой скальпель, моя игла, моя персональная ответственность перед законом. И плевать, трижды плевать, что отец лично толкнул меня под локоть, плевать на его вечный, гребанный, параноидальный контроль — на официальной бумаге и перед Богом ведущим хирургом числилась я, Эйва Маклауд.

Мысли путались, сменяя друг друга с бешеной, сумасшедшей скоростью. Как я смогу завтра посмотреть ему в глаза, когда он окончательно очнется от этого наркоза? Что я скажу этому человеку, когда он поймет, что больше никогда в своей жизни не сможет сделать ни единого самостоятельного шага? Он унаследовал огромную, теневую криминальную империю, в которой любая слабость или физический дефект караются мгновенной смертью от рук конкурентов, а я... я только что лишила его малейшей возможности защищаться.

Я сделала его инвалидом.

Эти четыре страшных слова крутились в моей голове, как заезженная, поцарапанная пластинка, намертво забивая собой панические крики отца и писк медицинских приборов. Я сделала его инвалидом. Я сделала его калекой.

Отец тем временем продолжал что-то быстро, лихорадочно делать над открытой раной, его руки двигались на автомате, но я видела, как побелели его костяшки под перчатками. Он

отчаянно пытался спасти то, что сам же и разрушил своим чертовым, трусливым вмешательством. Но мне в тот момент было абсолютно плевать на его скрытые мотивы. В эту секунду я ненавидела его всем своим сердцем, всей душой. И себя я ненавидела еще в тысячу раз сильнее.

— Эйва, отойди от стола! Сними перчатки и немедленно выметайся отсюда! — наконец рывкнул отец сквозь зубы, даже не оборачиваясь в мою сторону.

Я плохо помню, как стянула с себя липкую резиновую ткань перчаток, как на ватных ногах вышла в пустую, полутемную предоперационную. Пальцы совершенно не слушались, во рту мгновенно пересохло, а к горлу подкатил такой плотный, горячий ком, что было физически больно делать вдох. Я с силой включила ледяную воду в умывальнике и принялась судорожно, до красноты тереть руки щеткой, хотя никакой реальной крови на коже не было — латекс не порвался. Ледяная вода быстро смывала мыльную пену, но она была не в силах смыть это жуткое, липкое и удушающее чувство вины, которое теперь останется со мной до гробовой доски.

Его бархатный, глубокий смех, его издевательское «великая Америка», его небрежное, теплое «красавица» — всё это эхом отдавалось в моих ушах, смешиваясь с шумом льющейся воды. Как я вообще смогу зайти к нему в палату? Как я смогу перевести взгляд на его неподвижные ноги, зная, что они больше никогда не пошевелиятся из-за меня? Из-за нашей проклятой семьи. Наша маленькая, элитная семейка Маклаудов снова осталась по уши должна семье Ланце. Только на этот раз долг был слишком огромным, неподъемным, и расплачиваться за него придется явно не деньгами и не дутой медицинской репутацией.

Колени окончательно подогнулись, не выдержав веса этой правды, и я просто сползла спиной по холодной кафельной стене на пол, обхватив голову руками. Мне до безумия хотелось закричать во весь голос, разрыдаться, проснуться от этого кошмара, но слез не было. Был только дикий, парализующий страх перед тем неминуемым моментом, когда Киллиан откроет свои черные глаза и попытается пошевелить пальцами ног.

Конец моей великой, так и не начавшейся истории. Конец моей блестящей карьеры. Я мертвец...

Я до сих пор, спустя столько десятилетий, отчетливо помню, как сидела тогда на том холодном больничном полу, пряча лицо в ладонях. Сейчас, спустя сорок пять лет, я смотрю на свои старые, покрытые морщинами руки и всё еще физически чувствую ту ледяную воду, которой пыталась смыть несуществующую кровь в далеком восьмидесятом году.

Отца я так и не простила. Пусть я уже глубокая, слабая старушка и прошло множество лет с того страшного случая, слова «я тебя прощаю» мой отец от меня так и не услышал до самого своего последнего вздоха. Когда его хоронили, я принципиально не явилась на траурную службу. Его погребением, венками и прочей лицемерной чепухой занимались его любимые дальние племяшки, поскольку единственная дочь не посчитала важным и нужным заниматься подобным фарсом после того, что он сотворил. Он прожил долгую, сытую жизнь со своей идеальной, фальшивой репутацией великого хирурга, но для меня навсегда остался трусливым человеком, который одним своим дерганым, глупым движением сломал две живые жизни разом. Мою и Киллиана.

Смешно и горько. Я ведь в итоге посвятила медицине всю себя без остатка, провела сотни сложнейших нейрохирургических операций, спасла жизни, которые другие именитые врачи считали абсолютно безнадежными, но люди в медицинском сообществе до сих пор видят во мне лишь холодную, расчетливую железную леди без чувств. Профессор Эйва Маклауд. Великое, громкое имя, за которым на самом деле скрывается лишь выжженная пустота и вечная боль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.